

УДК 37(470)(092.2)

А. Абаринов

A. Abarinov

Журналист, член Правления Международной макаренковской ассоциации (IMS) и Украинской ассоциации Антона Макаренко, Киев, Украина

A journalist, a Board member of the International Makarenko's Society (IMS) and the Ukrainian Association of Anton Makarenko, Kiev, Ukraine
abarinov@ukr.net

ОРДЕНОНОСЦЫ¹

ORDENONOSTSY

Аннотация. Статья посвящена малоизвестной странице биографии А. С. Макаренко, связанных с его встречами с К.И. Чуковским и впечатлениями последнего от его знакомства с воспитанниками педагога.

Abstract. The article is devoted to the little-known page of the biography of A. S. Makarenko connected with his meetings with K. I. Chukovsky and impressions of the last from his acquaintance with pupils of the teacher.

Ключевые слова: воспоминания, Макаренко, Чуковский, Крупская, воспитанники, оксфордские студенты.

Keywords: memories, Makarenko, Chukovsky, Krupskaya, pupils, Oxford students.

К 80-летию со дня кончины А. С. Макаренко

Воспоминания о Макаренко его современников представляют большую информационную ценность – таким образом мы больше узнаём о характере писателя-педагога, его привычках, его окружении, событиях, ставших затем главой его повести или примером для педагогической статьи. В этой связи представляется необходимым рассказать о встречах Макаренко и Чуковского.

И. Корней Иванович Чуковский (1882–1969) – замечательный поэт, прозаик, переводчик, литературовед и журналист, родился в Санкт-Петербурге, а своё детство провёл в Николаеве и Одессе. Как публицист и литературный критик, он стал известен ещё в дореволюционной России; тогда же он впервые проявил себя как детский писатель – в 1916 году Чуковский сочинил сказку «Крокодил», принёсшую ему известность. После революции

¹ Перевод и редакторская обработка статьи: Татьяна Кораблёва (Москва, Россия).

выходят его знаменитые «Мойдодыр», «Тараканище» и «Бармалей». Они и сегодня популярны, их издают большими тиражами.

В те времена, однако, обнаружилось, что не все сказки отвечали задачам советской педагогики: 1 февраля 1928 года орган ВКП (б) газета «Правда» опубликовал статью замнаркома просвещения РСФСР Н. К. Крупской «О „Крокодиле“ Чуковского»:

«Такая болтовня – неуважение к ребёнку. Сначала его манят пряником – весёлыми, невинными рифмами и комичными образами, а попутно дают глотать какую-то муть, которая не пройдёт бесследно для него. Я думаю, «Крокодила» ребятам нашим давать не надо...», – писала Крупская [2].

С подачи преданных партии критиков и редакторов был даже придуман термин – «чуковщина»; писателя заставляют «отречься» от старых сказок. Подействовало! В декабре 1929 года в «Литературной газете» он опубликует письмо о собственных ошибках и заявит о намерениях изменить направление своего творчества – написать сборник стихов «Весёлая колхозия».

Вот такой поворот – правда, про колхоз он так и не написал...

II. Антон Семенович Макаренко (1888-1939), если верить настольной книге каждого советского учителя [3], нигде ни единым словом не упоминает о Чуковском. Однако это вовсе не означает, что педагог-писатель ничего не знал об авторе «Крокодила» или что они никогда не встречались. Причиной таких «пробелов» в биографии – и не только в случае с Чуковским – является скрупулёзная чистка сочинений, писем, даже записных книжек Макаренко после его кончины «комиссией по литературному наследию» в лице супруги Макаренко.

Галина Стахиевна (Салько) – Макаренко собственноручно цензурировала архив, определяя ценность статей, уничтожая заметки и ремарки Макаренко, письма друзей и его заметки о них, которые, как ей казалось, навредят мужу и после смерти.

Скорее всего, Чуковский был для неё нежелательным персонажем при сооружении величественного памятника рано умершему Антону Семёновичу. Помимо упомянутой выше негативной оценки сказочника 1 марта 1944 года в газете «Правда» вышла статья П. Юдина «Пошлая и вредная стряпня К. Чуковского». В ней писателя представляют как «сознательно опошляющего великие задачи воспитания детей в духе социалистического патриотизма». В 1960-е годы К. Чуковский задумал пересказ Библии для детей! Это, наверное, и стало последней причиной в устранении вдовой его имени из

списка друзей А. С. Макаренко. Чуковского нет даже в «Сводном указателе имён», помещённом Редколлегией в 8-ом томе упомянутых сочинений!

Или, например, Антон Семёнович и Корней Чуковский вместе отдыхали в санатории Комитета содействия учёным им. Горького в Кисловодске. Корней Иванович ссылается на это в своей статье о А. С. Макаренко, описывает их беседы о русских писателях и даже упоминает о некоем письме Антона Семёновича к жене от 5 ноября 1938, в котором тот описывает эти беседы.

Однако после приведения архива писателя-педагога в порядок «комиссией» в изданных после его смерти работах этих фактов нет!

III. Напомню, что Макаренко так же, как и Чуковский, стал объектом критики Н. К. Крупской – та резко раскритиковала его на VIII съезде комсомола в мае 1928 года, обвинив в отступлении от партийных постановлений, внедрении самоуправления, назвала систему Макаренко «идеологически вредной», переqualificировала дисциплину в колонии в «жестокость и рукоприкладство». Только восторженные оценки А. М. Горького, посетившего Куряжскую колонию летом того же года, позволили конфликту утихнуть.

Всё это не могло не отразиться на здоровье педагога-писателя. Именно тогда он впервые переносит приступы «грудной жабы», как тогда называли стенокардию, которые с годами и неослабным режимом макаренковского трудового дня становились всё более нестерпимыми. Лечивший его терапевт сообщает: «Видно, много было у него передряг. Ему нужен полнейший покой. А он варварски терзает свое сердце. Не лечит его, а калечит. Работает с рассвета до вечера».

Однако к лечению он смог приступить только в Киеве, вырвавшись туда из колониальных стен.

IV. Как известно, Макаренко в свои 47 лет был направлен в распоряжение НКВД УССР, получил должность помначотдела трудколоний, две серебряных звёздочки в петлицы, пистолет ТТ и 3-комнатную квартиру в новом доме НКВД в самом центре города на улице Леонтовича, 6А [1]. Однако события на службе заставили его уже через год, 14 июля 1936 года, подать рапорт об увольнении со службы в НКВД; он страшно загружен в Отделе трудколоний, это не даёт ему возможность закончить «Педагогическую поэму», написать и отправить к сроку её главы, обещанные московским журналам – «есть некоторые осложнения, которые отнимают и день, и вечер, а иногда и ночь» [3, с. 64–65].

Киев и его сосновые пригороды – Ирпень, Буча, Ворзель издавна слыли курортами для «сердечников». Сюда приезжали на лечение и отдых москвичи и ленинградцы. «Река Ирпень изобилует живописными уголками и удобными местами для охоты и рыбной ловли. Для купанья также очень хороша; на берегу устроены купальни, можно устраивать прогулки на лодках в соседние селения».

Б. Пастернак, лучший поэт Советского Союза (по оценке Н. Бухарина) и будущий сосед А. С. Макаренко по Лаврушинскому переулку, писал своей сестре в 30-е из Ирпеня: «Новые знакомые сманили нас на это лето под Киев и сняли нам дачу там. ...всеобщее мнение, что с продовольствием на Украине все же будет лучше, чем на севере».

Вот там, в Ирпене, дачник Корней Иванович и нашёл дачника Антона Семёновича!

V. Вот так встреча!

«...на пороге с кукурузным початком в руке появился Антон Семёнович, и я сразу признал в нем Макаренко», – вспоминает Чуковский. Антон Семёнович «был действительно очень похож на комиссара эпохи гражданской войны: немногословный, строгий, уверенный в себе человек, без лишних жестов и суетливых улыбок. Приветствуя меня с самым сердечным радушием, он не потерял в то же время своей сановитой степенности. В эту первую минуту нашей встречи мне почудилось в нём что-то непреклонное, несокрушимое, властное...» [5].

Дача, которую помначотдела снял на сезон, была заполнена до краёв; Макаренко отдыхал в Ирпене с семьёй – жена, её сын Лев Салько, племянница Олимпиада 15 лет, дочь родного брата Антона Семёновича, находившаяся у Макаренко на воспитании; к тому времени у них было две домработницы, в обязанности которых входили базар, кухня и уборка помещения. Макаренко 2 июня 1936 информирует Льва Салько, что его московская редактриса, член ВКП (б) с апреля 1917 года Рахиль Ковнатор, привезёт в Ирпень на всё лето свою дочку, восьмиклассницу Зою, и просит о внимании и заботе [4, л. 1–2].

Помимо всего, нагрянувший с визитом Корней Иванович обнаруживает на даче у Макаренко нескольких элегантных молодых людей с барышнями, которые в отсутствие патрона занимают его некоторое время беседой, как он пишет – «словно в светской гостиной» [5].

Чуковский очарован.

VI. Напомню, что Чуковский ещё в 1903 году поехал в Лондон за счёт редакции «Одесских новостей» как корреспондент. Ему было 20, он основательно ознакомился с английской литературой – прочитал в оригинале Диккенса, Теккерея. Изучив язык, в 1907 году Чуковский опубликовал переводы Уолта Уитмена, ставшие популярными, что увеличило известность Чуковского в литературной среде.

Но вернёмся в Ирпень.

Обходительность молодых людей, которые встретились ему у Макаренко, напомнили Чуковскому оксфордских студентов и он сообщил об этом Антону Семеновичу.

«Правильно, – соглашается он, и в голосе его слышится украинский юмор. – Вон тот кучерявый – талантливейший вор-чемоданщик со станции Лозовая, под Харьковом. Уж на что знаменитые воры работали всегда на Лозовой, а он был самый среди них знаменитый. А тот, в белых брюках, – всего лишь карманник, но тоже очень высокого класса. Он говорит это как самую обыкновенную вещь, словно и не подозревая, что она может вызвать во мне удивление.

Затем выдерживает долгую паузу и спокойно добавляет в том же тоне:

«А сейчас вон тот – медицинский работник. Неплохой из него выйдет хирург. А этот, в белых брюках, – уж будьте покойны: придет время, вы встанете в очередь, чтоб добыть на его концерты билеты».

Оба они – питомцы Антона Семеновича. Должно быть, приехали его навестить, потому что он уже несколько лет как отошел от своих трудолоний. Их обоих он некогда спас от уголовной карьеры» [5].

VII. Вот эта подмеченная Чуковским ребячья «деликатность, привитая им Антоном Семеновичем: было ясно, что он требовал от них не только трудовой дисциплины, но и тонкой, задушевной учтивости», проявилась далеко не в бравурном эпизоде...

Корней Иванович вспоминал как на одном заседании потерял сознание – как говорится, «сомлел» – и очнулся лишь через час или два в киевской гостинице «Континенталь» у себя в номере.

«Я лежал в постели, и первый, кого я увидел, был нахмуренный и молчаливый Макаренко. Оказывается, он присутствовал на том же заседании Союза и, заметив, что мне стало дурно, отвез меня в гостиницу и вот уже столько времени сидит у моего одра как сиделка» [5]. И они нашли общую для себя тему – Горький! Чуковский писал о нём, да и для Макаренко Горький – «воплощение всего благодного, что только есть на земле».

«Узнав, что я тоже встречался с Алексеем Максимовичем, он начинает настойчиво требовать самых подробных рассказов о нём», – вспоминает Чуковский [5].

«И вдруг спохватывается: ведь, выполняя обязанности строгой сиделки, он должен обуздывать мою говорливость. Действительно, он иногда прерывает меня: «Помолчите, вам запрещено разговаривать!», но через минуту опять: «Расскажите еще!»

Благодарный Корней Иванович отмечает, что Макаренко «отдал немало часов самому деятельному уходу за мною. Его питомцы, бывшие коммунары Ключник, Салько, Терентюк, тоже приняли участие во мне и вместе с семьей моего друга, поэта Льва Квитко, поставили меня на ноги в несколько дней» [5].

VIII. Они стали если не друзьями, то хорошими приятелями, и искренне обрадовались встрече в Кисловодске, куда не сговариваясь приехали в ноябре 1938 года.

Восхождение на знаменитую Крестовую гору отнимало у них больше часа. Макаренко был плох. По пути они делали привал на скамье у самого крутого подъема. «Отдых на этой скамье сам собою располагал к разговорам. Мы говорили о литературе, о Горьком, о Фадееве, об Алексее Толстом и с упоением читали друг другу стихи. Оказалось, что Антон Семенович – это было для меня неожиданностью – хорошо знает и любит поэзию, увлекается Тютчевым, может без конца декламировать Пушкина, Шевченко, Крылова, а также Багрицкого, Тихонова» [5].

Чуковский отмечает, что Макаренко не любил тех стихов, которые до слез восхищали собеседника; того, в свою очередь, не возбуждали многие из любимых Макаренко книг. «Но нас объединяла любовь к «пацанам» (так именовал Антон Семёнович детей), и из-за неё мы охотно забывали о своих разногласиях. Советские дети, их душевная жизнь, их будущее – об этом Антон Семёнович мог говорить до утра, ибо и после того, как он стал профессиональным писателем, в нем не умер педагог» [5].

Чуковский, трепетно относился к высказываниям малышей, написав любимейшую книгу миллионов читателей «От двух до пяти». Тем не менее, там же, в Кисловодске, Макаренко дружески «обязал» его, как настоящего педагога, в новом издании книжки возможно сильнее подчеркнуть её воспитательные задачи и цели. Чуковский не согласился. «Никому не советую думать, будто здесь педагогика. Я не педагог, я писатель...»

«Вздор! – возмущался Макаренко. – Во-первых, всякий писатель всегда педагог, а во-вторых, вся ваша книга – хотите вы этого или не хотите – посвящена воспитанию детей. Пожалуйста, не притворяйтесь сторонним наблюдателем... У вас вся педагогика почему-то под спудом, в подтексте, вы словно конфузитесь, что вы педагог, – говорил он укоризненным голосом и настаивал, чтобы, излагая свои наблюдения над психикой малых детей, я выводил из этих своих наблюдений педагогические «надо» и «нельзя» [5].

Чуковский замкнулся. Писатели, дыша огнём, разошлись по палатам.

* * *

«Я возражал ему, но когда лет через пятнадцать (не раньше!) моя книжка была наконец разрешена для нового издания, я вспомнил укоризненный голос Антона Семеновича и всюду, где было возможно, попытался обнажить ее педагогический смысл» [5].

В одном только 1958 году книга «От двух до пяти» вышла тиражом 400 000 экземпляров и мгновенно разошлась вся без остатка

Вместо послесловия.

Через полгода, 1 апреля 1939, Антон Семёнович Макаренко скончался от сердечного приступа.

Он и Чуковский награждены за свой писательский труд одним Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 января 1939 г.

Будущий полный кавалер Корней Чуковский тогда получил свой первый орден Трудового Красного Знамени. Для А. С. Макаренко этот орден тоже стал первым – и последним...

Список литературы

1. *Абаринов А.* Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935-1937) / А. Абаринов, Г. Хиллиг. Марбург: Марбургский университет, 2000. 200 с.
2. *Крупская Н. К.* О «Крокодиле» Чуковского [Электронный ресурс] / Правда, 1 февраля 1928 г. Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/kornei/pro-et-contra/borba-zaskazku/nk-krupskaya-o-krokodile-chukovskogo>.
3. *Макаренко А. С.* Педагогические сочинения: в 8 т. Т. 8. / А. С. Макаренко; редкол. М. И. Кондаков и др.; Акад. пед. наук СССР. Москва: Педагогика, 1986. 335 с.
4. РГАЛИ, 332–5–53, лл.1-2.
5. *Чуковский К. И.* Собрание сочинений в 15 томах. [Электронный ресурс]. Москва: Терра-Книжный клуб, 2001, Т. 5. Режим доступа: <http://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/knigi/sovremenniki/makarenko>.